

«Мы, запевалы бури, провозглашаем новый век!»

ИЛЬЯ ПАЩЕНКО

**Новаторские произведения Сакена Сейфуллина открыли перед
казахской литературой новые горизонты**

В середине 20-х годов, находясь в Москве, Сакен Сейфуллин неоднократно встречался с руководителями крупнейших литературных организаций. Первым посетил он поэта Владимира Кириллова, занимавшего пост ответственного секретаря группы «Кузница», платформа которой основывалась на перенятых от Пролеткульта принципах вульгарной социологии. Сам Кириллов был известен прежде всего своим стихотворением «Мы», которое литературовед Валерий Кирпотин называл «эпатирующим манифестом», содержащим такие строки: «Во имя нашего Завтра - сожжем Рафаэля/Разрушим музеи, растопчем искусства цветы». Конечно, к моменту встречи с Сейфуллиным, творчество которого он высоко ценил, Кириллов пересмотрел свои взгляды, и все-таки разговор двух поэтов напоминал своеобразный турнир остроумия. «Владимир Тимофеевич, все еще продолжаете рушить, или уже начал глодать вас червь сомнения?» - спросил Сейфуллин. «Сакен Сейфуллинович, не стоит придирается. Чего ни наговорит поэт, когда трясет лихоманка вдохновения! Что там я, даже твой друг Владимир Маяковский подарил мне «Мистерию-буфф» с таким автографом: «Товарищу по борьбе с Рафаэлями». Всему свое время. А время было интересным, Сакен».

На прощание Кириллов подарил своему казахскому товарищу, желавшему разобраться в организационных принципах российских литературных организаций, устав и программу «Кузницы». Конечно, он надеялся, что вскоре «кузнецы» появятся и в Казахстане. Однако многое в установках этой группы претило Сейфуллину. Не только вульгарно-социологический подход в оценках достижений мировой литературы, за который близких к Пролеткульту писателей при жизни критиковал Ленин, но и декларативность, «надмирность» поэзии «кузнецов», запальчиво заявлявших о желании «планеты перекидывать, как мячики», была чужда Сакену. Его творчество уходило своими истоками вглубь

народной жизни и уже преодолело абстрактность «огромного звездного небосклона», сказавшуюся на ранних произведениях поэта. Он был уверен, что далеки от космического пафоса «Кузницы» и другие казахские писатели, искавшие свое место в бурном потоке зарождавшейся литературы нового времени.

В 1925 году крайком партии принял решение о создании Казахской ассоциации пролетарских писателей, члены которой по инициативе Сейфуллина и Майлина приняли платформу РАПП, объединявшую многих виднейших литераторов того времени. Да, в будущем руководство этого объединения, претендуя на единоличный диктат в советской литературе, совершит много ошибок, чем фактически на некоторое время затормозит литературный процесс, однако в 20-е годы роль РАПП в консолидации писателей под эгидой единой организации была в основном положительной. Ознакомление с творческими методами рапповцев, а также внимательное изучение поэзии Маяковского, помноженные на блестящие познания в области казахской литературы, проложили для Сейфуллина дорогу к новаторским стихотворным открытиям.

Впрочем, произвести настоящий переворот в отечественной поэзии он смог намного раньше, когда из-под его пера вышли «Марсельеза казахской молодежи» и «Товарищи», написанные под непосредственным влиянием двух самых известных революционных гимнов - «Марсельезы» и «Интернационала».

«Пламенный призыв к борьбе, умение воссоздать дух времени, пробудить священное чувство ненависти к угнетателям, вдохновить на бой, четкий, энергичный ритм стиха - все это сближает стихотворения с революционной поэзией русского и

западно-европейского пролетариата», - писал о них литературовед Серик Кирабаев, добавляя при этом, что в казахских аулах песни на стихи Сейфуллина распевались как гимны новой жизни.

Новым словом в отечественной литературе стала поэма «Советстан», написанная в 1925 году и приуроченная, по словам ее автора, к «восьмой годовщине Советов». Турсынбек Какишев, один из крупнейших исследователей творчества Сакена Сейфуллина, в посвященной ему книге из серии «Жизнь замечательных людей» писал, что поэт долго и мучительно подыскивал своему произведению подходящий ритм. Однообразие существовавших литературных форм и монотонная ритмика многих казахских поэтов не могли удовлетворить его. «Сколько дней он промаялся в поисках! Зато когда нашел ритмику, поэма была закончена в один день. Неудивительно, ведь ее мысли, ее настроение вынашивались, быть может, многие годы», - писал Турсынбек Какишев.

В ритмическом отношении «Советстан» созвучен движению летящего в будущее экспресса, называемого Сейфуллиным «от-арба» и являющегося аллегорическим изображением стремительно развивающейся республики. Читаем: «Лети, от-арба! Нет дороги назад /Тра-тат-та-та-та.. - колеса стучат /Пусть степи родные/Встречают прямые/Лучи золотые !/Дорога длинна, и просторы блестят/Веди же, вожатый/Веди, миновав/Откосы и скаты/Огромный состав/Так будь осторожней -/Во мгле придорожной/Скрывается враг/Просторы блестят/ И дали синее!.../Лети же скорее!.../Колеса стучат/Тра-та-та-та-так/Так-так...»

Основной конфликт поэмы, как и большинства произведений Сейфуллина того времени, - столкновение старого и нового, их

длительная борьба, самым ходом своим видоизменяющая привычные устои народной жизни. Поэт вспоминает былые годы, когда «в одежде богатой над нами проклятый, над нами безжалостный царствовал царь» и «народы России, склонившие выи, лежали во прахе, лишенные прав». Но самодержавному режиму не удалось сдержать неумолимое движение быстроходного экспресса - царь пущен под откос, а свободный народ избирает нового машиниста, который внимательно следит за дальнейшим путем поезда. Конечно, «Советстан» не свободен от дек - ларативности, свойственной публицистической поэзии, однако она не может затмить новаторского значения поэмы для казахской литературы и преодолевается, по словам Всеволода Рождественского, «эмоциональным движением поэтической речи».

Эксперименты с ритмикой и строфикой Сейфуллин продолжил в стихотворении 1929 года «На ткацкой фабрике», которое по замыслу поэта должно читаться в такт стуку колес:

«Паровик/Чугунный/Жмет/Пар/Пыхтит/Рокочет/Напирает
он/Ревет/Он бурлит/Клокочет../Грубы черные/Кричат/Из-за
облаков торчат../В небо дым/Стремится/Дыбится/Клубится...»

Воспевая индустриальную мощь страны, Сейфуллин обращается к тем, кто приводит в движение кующие эту мощь станки и машины: «Славлю вас/Прогресс/И труд -/Люди/Горь/Тут свернут!». Важной особенностью стихотворения, без сомнения, является его особый строй, как бы предрасположенный к художественной декламации.

«Сейфуллин внес много нового в строй казахского стихосложения. Критически используя все то, что было создано его предшественниками, он создал ряд стихотворений и поэм, которые не только по своим идейно-художественным качествам, но и по

не только по своим идейно - художественным качествам, но и по форме стихосложения были новым явлением в казахской поэзии... Разработанная Сейфуллиным новая для казахской литературы система стихосложения позволила поэту с большой художественной силой передать радость борьбы, нарисовать образ нового героя», - отмечал Серик Кирабаев.

В произведении «На ткацкой фабрике» мерное движение стиха, подобное ритму гудящих станков, передает главную радость народа - радость свободного труда, которую Сейфуллин сравнивает с гремящим маршем.

«В Сакене Сейфуллине я видела как бы частичку Казахстана и поняла, что он был плоть от плоти своего народа и своей страны, один из лучших ее сынов», - говорила писательница Галина Серебрякова.

Невозможно понять новаторское значение поэзии Сейфуллина в отрыве от взрастившей ее национальной почвы. Поэтика выдающегося мастера художественного слова, ярко демонстрирующая безграничные возможности и богатства казахского языка, является благодатной темой для исследований. Лучшее из созданного Сакеном Сейфуллиным за его короткую, но яркую жизнь, навсегда вошло в сокровищницу мировой литературы.